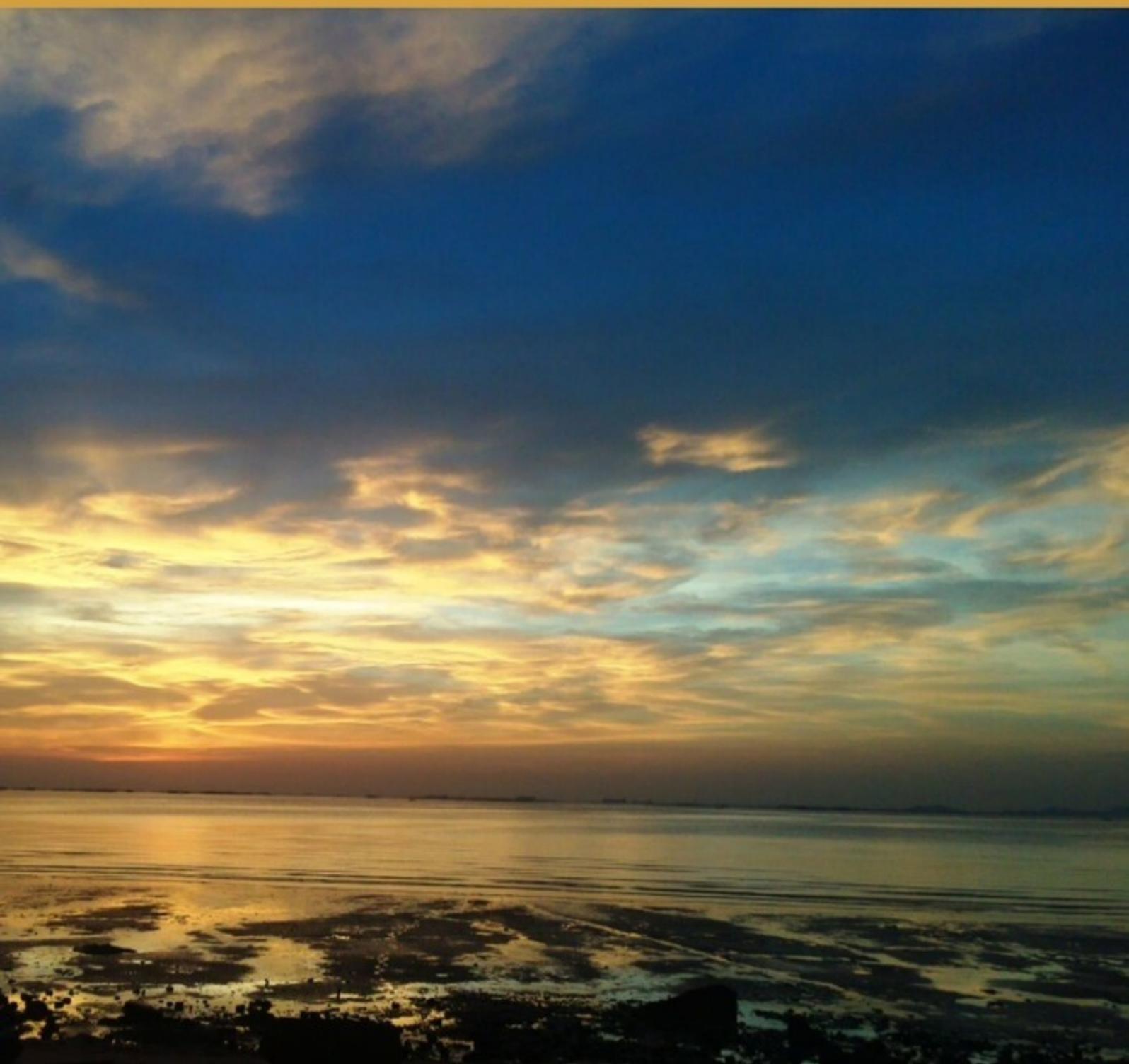

Evgenii Shan
Отшельник и странник

Почти невыдуманные истории

Evgenii Shan

**Отшельник и странник.
Почти невыдуманные истории**

«Издательские решения»

Shan E.

Отшельник и странник. Почти невыдуманные истории / Е. Shan —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966320-7

Эти две истории похожи одна на другую и совершенно разные. Поиск выхода из жизненного тупика может и напоминает кому-то дауншифтинг, но только на первых строках повествования. Это поиск не только своего нового места в этом мире, это поиск смысла жизни и существования, осознание себя и мира вокруг, решение вечной проблемы материального и духовного. Рассказаны двумя людьми — монахом буддистского монастыря и отшельником на далёком острове, который решил жить не в монастырских стенах.

ISBN 978-5-44-966320-7

© Shan E.

© Издательские решения

Содержание

Отшельник	6
Песок памяти	7
Весна	8
Росы	9
Горы	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Отшельник и странник Почти невыдуманные истории

Evgenii Shan

Корректор Petr Wang

© Evgenii Shan, 2019

ISBN 978-5-4496-6320-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Отшельник

*«На горной вершине ночью в покинутом храме,
К мерцающим звёздам могу прикоснуться рукой,
Боюсь разговаривать громко, земными словами
Я жителей неба не смею тревожить покой»
Ли Бо, китайский поэт VII в н.э.*

Декабрьская Сибирь осталась где-то далеко с её морозами, туманами и запотевшим кухонным окном. Чифир уже не помогал, сигареты были оставлены давно в прошлом, а вино грозило сумасшествием. Настойка полыни, которая спасала от гриппа и простуд, навевала фантастические образы, душа отлетала куда-то далеко и звала за собой. И в этом полу наркотическом состоянии навязчиво приходила мысль «писать, писать, всё рассказать что чувствую, открыть истину, которая открывается понемногу». Душа металась, тайга уже не приносила успокоение надолго, потому что тайгу ту, медленно, но верно, забирали из рук и отдавали кому ни попадя.

Песок памяти

С моря остров казался бархатным, кудрявая зелень деревьев сплошным ковром покрывала горы, спускающиеся к пляжу. Полуденный штиль в промежутке между приливом и отливом делал море гладким и ласковым. Мелкие волны начинались только на мелководье, подталкиваемые морскими течениями там, где смешивалась соль с пресной водой речки. Узкая полоса пляжа длинным полумесяцем тянулась более чем на полкилометра по западному побережью острова. Мелкие ряды волн торопливо бежали к берегу и пропадали в песке, оставляя узкую полоску мелких обломков раковин, какие-то палочки и травинки.

Штиль почти полный, спокойствие в этот жаркий день, как и во все остальные. Кудрявая зелень джунглей почтительно стояла поодаль, давая полосе песка принимать на себя прибор. Только кокосовые пальмы иногда осмеливались выйти чуть ближе к морю. Они не создавали тени как мангровые деревья, а поэтому были приняты пляжем как случайные гости. Старый монах сидел на корточках в тени такьяна и смотрел в море. Лицо с глубокими морщинами было светлее обычных для этих мест. Шафрановая мантия сползла с плеча и открывала сухое татуированное тело. Мускулы тугими жгутами связывали кости, но такая худоба не казалась измождённостью. Сак-янт перемежался с татуировками не совсем привычными для буддистского населения острова, они были немного крупнее и выдавали художественную натуру давнишнего татуировщика – они были очень старыми. И вдруг... между кхмерскими письменами, драконом и тигром мелькнул маленький синий якорёк с обрывком пенькового каната.

Он не медитировал в позе лотоса, не отдыхал вытянув ноги, монах сидел на корточках, и это положение несколько не смущало его неудобством. Он растягивал спину. Йоговские асаны давно забыты, комплексы боевых искусств выполняются лишь по редкому желанию – сама жизнь текла уже много лет по закону вселенной. Неисчерпаемыми песчинками морского пляжа с неожиданными вкраплениями перламутровых осколков и случайного морского мусора, который при гниении пах приятно и не смущал никого. Песок струился тоненько из кулака монаха вырастая горкой и разравнивался смуглой сухой ладонью, превращался в часть этого пляжа, терял свою временную индивидуальность. Найти в песке золотую цепочку, утерянную редкими туристами, такая же вероятность, как и острую булавку или гвоздик, который поранит ногу. На гвоздик наткнуться шансов ещё меньше – морская влага, пропитывая песок, быстро изржавит металл, превратит его в безопасную часть песка.

«Жизнь справедлива и небо благосклонно к человеку» – произнёс монах вслух.

Попрошайка скворец покосился на него жёлтой бусинкой глаза и что-то пикнул гортанно. Птицы не боялись монаха, справедливо считая его частью их мира. Как и кедровка из далёкого холодного края, скворец протяжно протянул что-то. Сухая тёмная рука нырнула в монашескую сумку и протянула птице кусочек пресной лепёшки. Такие лепёшки пекли для него в деревне раз в неделю, не удивляясь капризу. Здесь привыкли к этому невесть откуда взявшемуся отшельнику, приходившему за поднесением пищи не часто, но регулярно медитирующем в монастыре. Редкий мирянин мог похвастаться беседой с ним, хотя, по слухам, монах не отказывал в общении. Речь его была медленной и плавной, как и полагается, но говорил он о вещах далёких для рыбака... он говорил о времени.

Время как морской песок пляжа, течёт между пальцами и его не удержать. Зримые песчинки – не капли воды, они не исчезают в никуда, они остаются тут же и их можно снова взять в руку, но горсть песка уже будет другой и песчинки другие, и потекут между пальцами они по-другому. Старая мудрость о том, что нельзя дважды войти в одну реку, тут принимала свой особый смысл. Если оставаться на берегу реки невозможно, невозможно отстраниться от течения времени, то песок – это то, что мы сами делаем с временем. Мы ступаем по этому времени, по этим песочным часам, перебираем песок в руках, находя иногда в нём жемчужины,

мы оставляем его течь через пальцы и идём дальше, но мы можем сохранить часть его для себя, насыпав карман. И хоть этот песок уже будет не тот, именно эта часть хранит что-то в себе, именно в ней находятся те песчинки, что когда-то радовали нас и, при терпении, эти песчинки можно найти.

Для крестьян и рыбаков острова, защищённых канонами буддизма, можно было не думать о времени, жить одним днём. Жить правильно и, законами кармы будущее будет обеспечено. Когда монах говорил, что можно идти и не оборачиваться, его понимали. Когда монах говорил, что можно вернуться, ему не верили. Но когда монах говорил, что можно видеть будущее и исправить прошлое, в его словах чувствовали удивительную силу знания. И приклонялись перед ней. За годы жизни в Сиаме монах так и не привык к беззаботности, свойственной местным жителям, но это давало ему преимущество в освещении значения закона Кармы в своих редких беседах с мирянами.

Весна

А ещё он не мог привыкнуть к радости вечного лета. Скучал по синему снегу под глубоким весенним небом и радости увидеть, как раскрывается древесная почка после долой зимней спячки. Воспоминания иногда будоражили душу запахами знакомых трав, пронзительным утренним солнцем играющем на мелких волнах прибоя и лёгкий ветерок, которые так походил на августовские ночи в далёких горах. Эти воспоминания побуждали его иногда подниматься в горные джунгли, находить голую скалу и долгие часы медитировать на ней, уносясь в любые уголки Земли. Строки Ли Бо откликались старом теле и молодой душе.

Кристалльно чистый воздух позволял видеть море и побережье, хотя до него было несколько часов езды на автомобиле, казалось – оно рядом. И такая иллюзия до сих пор восхищала и волновала его. Тёплое море, горячий песок, протянувшийся полоской между синей водой и зелёными джунглями, горная прохлада на вершине, тянущейся к яркому тропическому солнцу, из этих густо-зелёных буйных диких зарослей. В такие минуты ему вспоминались хребты Западного Саяна, когда он, совсем ещё мальчишка, освободил плечи от тяжёлого рюкзака с рабочим таксаторским инструментом в вершине реки Голая. Горный воздух позволял видеть все девять горных хребтов до самого Енисея в двух днях перехода и даже дальше.

И опять внутренняя улыбка чуть тронула глаза монаха. Вот он песок памяти, который он тогда нагрёб в карманы «энцефалитки», мелкие кусочки саянского гранита и речной песок, а спустя многие годы перебирает его в ладонях на скале в джунглях или под сандаловым деревом на берегу океана. И запах сандаловых благовоний смешивается с запахом кусочка смолистого алтайского кедра, который висит на груди рядом с Буддой и священным драконом Пайянак. Карма привела его душу сюда и поведёт дальше, подставив под подошву кирзового сапога опору, на которую он опёрся босой ступнёй монаха.

Для того чтобы видеть будущее надо быть частью настоящего, ну а прошлое – это наше настоящее, спрятанное глубоко, но постоянно выглядывающее через глаза.

Здесь, на островах южных морей, не было росы. Ранним утром, когда монах выходил в деревню или просто проходил по всей полосе пляжа для того, чтобы местные рыбаки могли предложить ему пищу и получить благословение от Будды, было совсем ещё темно. Рассвет только занимался, розовое знойное солнце только чуть раскрашивало вершины холмов, но воздух был также влажен, как и вчерашним вечером. На траве никогда не было росы, а листья кустарников жадно впитывали влагу из воздуха. Долгие годы в подсознании это удивляло монаха, каждое утро он просыпался с ощущением, что сейчас выйдет из своего кути в утреннюю прохладу и намочит в росе босые ноги. Но такое бывало возможно только в горах. После захода солнца обрывки тумана рождались под молодым бамбуком, роились как ночные пчёлы

под широкими листьями... и неслышно висели в воздухе. Чуть спадала дневная жара, на один-два градуса, и всё вокруг покрывалось водной пылью – травы, стволы деревьев, камни на дороге и скальные выступы. Красная глина плыла под ногами, а монашеская мантия становилась влажной. Прохлады не было – только воздух, наполненный влагой джунглей. На побережье он уносится утренним бризом. На побережье рос не случалось.

Росы

Жемчужные росы Алтая так глубоко сидели в подсознание, что он ждал их даже после двух десятков лет своего хождения по пути монаха. Росы, которые крупными каплями светились в лучах солнца почти до полудня, на травах и длинных иглах кедра, умывая цветы саранки, наполняя нектаром башмачки таёжных орхидей.

Долина на вершине Байгола, за которой уже начиналось узкое горло ущелья, уходящее в гору к Саянским хребтам, до самого последнего не имело дороги. Только узкие конные тропы приводили к этой чаше наполненной жизнью. Человек, впервые попавший сюда в любое время года, при любой погоде, в сумерках или утром, поражался дикой красоте этого места. Страна непуганых зверей и птиц. Речка, вырвавшись из узкого каменного горла, здесь немного успокаивалась и начинала петлять по широкому ровному месту, как бы радуясь простору, бегая и играя. В это место поднимался хариус для икрёма, в успокоившейся кристальной воде отдыхал и производил потомство. Байгол, давший название всему этому району горной тайги, здесь был ещё совсем молодой. Чистые многовековые кедровники, «кедрачи» по названию от староверов, стояли колоннами с кронами, поднятыми высоко к синему небу. Редкие кусты спиреи и черёмухи не мешали россыпям черники. Лес просматривался далеко, постепенно теряясь в стволах. В излуцинах речки поляны были покрыты такой крупной черемшой, что она казалась доисторической, резиново хрустела аппетитно о сапоги. И в ясную погоду, предвестница хорошего дня, роса крупными каплями держалась на этих плотных, ярко-зелёных листьях. В горной долине, солнце успевало выпить росу едва ли к полудню. Удивительно, но здешняя чистота казалась нереальной и сказочной. Чёрные спины хариуса под берегом, светлый древостой без колодника и ветровала, черемошники средним добавлением борщевика и чемерицы. Всё казалось придуманным, нарисованным талантливым, но слегка идеалистом, архитектором. Ведь так не бывает, как в огороде – здесь грядка для ягоды, здесь пряные овощи, а по краю поляны заросли пучки-борщевика для супа! При неосторожном передвижении с задранной к верхушкам деревьев головой была опасность наступить на глухариное гнездо. Но нет, мать вовремя поднимала шум, припадая на одно крыло, не взлетала, а уведила человека в сторону. А если не шуметь – возможно, марал выйдет к реке и, при случайном хрусте сучка под ногой, стрелой скроется. Склоны долины круто спускались к полянам, поросшие спиреей, таволгой или лентами каменных россыпей курумов. И всё это отражалось в ясных каплях росы на кожистых листьях кукольника, играло светом в скопившейся хрустальной влаге в пазухах стебля. Куда уходило это изображение, одиножды запечатлённое в естественной линзе, почему не сохранялось на серебряной плёнке камеры? А ведь оставалось! Оставалось в кристаллических решётках чистой воды, переносимой в записи на любую растительную клетку своим положением на лице Земли. Переносилось и оставалось в генах растений и животных, которые поколениями жили в этой долине, придуманной и вылепленной природой гармонично, просто потому что «так должно быть». И человек, молодой лесник и будущей монах, как и старик-вздымщик, как хозяин тайги и её слуга, отражался вместе со многими проходящими по этим тропам. И оставался в этих, толщиной с палец, стеблях черемши, в глазах вылупившегося глухарёнка или в настороженных глазках-бусинках медведя, которому мешал набивать желудок свежими витаминами. Когда внизу у посёлков и деревень было уже лето, в этой горной долине надолго засиделась весна. Она не торопилась уходить, любовалась

медленной сменой цветов, рождением птенцов птиц и набуханию почки кедра, которая через год станет орехом в смолёвой шишке.

При рабочих путешествиях по этой долине, выходе на хребты и ночевках внизу, в старых охотничьих избушках, роса намачивала брезент одежды до пояса травами, падала тяжёлыми свежими каплями с веток на плечи. Но высыхала она быстро у костра или на послеполуденном солнце. В джунглях монашеская мантия сохла долго, на плечах в течении всего дня. Выстиранная одежда сушилась на берегу на солнце. Оставленная на ночь рядом с хижиной, она напитывалась атмосферной влагой и становилась более мокрой, чем до развешивания. Тропики не отражались в каплях росы, генная память воды напитывала всё вокруг и путала причинно-следственные связи. Но такое положение вещей заставляло быть только внимательнее к своим поступкам, мыслям и речам. Но то прошлое, рождённое в росе на листьях черемши и кедровых иголках, запечатлённое на клеточном уровне с глотком Байгольской воды, помогало увидеть эту тонкую грань между умелыми и неумелыми поступками в жизни. Те умелые поступки, которые правильно выстраиваются в цепочку кармы, ведут к просветлению и понижению своего Я. И не умелые, которые мешают этой цепочке. За этот путь, пройденный от рос Саян и Алтая до туманов в джунглях Таиланда. Было совершено немало и тех, и других. Но капля росы хранящаяся в крови помогала сделать выбор. Как будто на подсознании, на клеточном уровне, а не подчиняясь урокам строгих учителей-ажанов, а только помогая понимать эти уроки.

Горы

Слова, которые приписываются Конфуцию, стучали в висках молоточками крови – «Человек, стоящий на вершине горы, не упал туда с неба». Каждое восхождение требует сил и умения, даже самое маленькое, даже привычное, в любом месте и в любое время. Будь то поход к святым камням Китча Кут по ночным горным джунглям через липкий туман или подъём к солонцам на вершинах Бёжи и Аталыка.

Травы быстро выросли уже в начале короткого сибирского лета, набирались соков земли и силы солнечного света. Глубокое голубое небо поило всех досыта. Молодая сочная трава ещё не имела в себе нужного набора минералов и микроэлементов, и звери искали соль. Солонцы строились искусственно и выходили наружу естественные солончаковые породы. Сколько лет этим солонцам не помнил никто.

Один такой солонец располагался на узком, как лезвие меча, хребте. Площадка между камней и курумов лежала маленькой чашей перед глазами духов Саян и Алтая. Недоступность его для мелких обитателей тайги лишь подчеркивало элитность этого места. Большую часть времени узкий гребень находился в туманах лишь самой вершиной выходя выше облаков и давало ощущение полёта. Даже ясные дни не смывали этого ощущения, утро уходило поздно, а вечер подступал тихо, разводил туманы до самого утра в своём каменном лукошке.

Скалы Китча Кут и горные валуны Самуи поразительно напоминали эти священные вершины Алтая и Саян. Прохладные речки падали водопадами кристально чистой воды и убежали к морю. А шум прибоя напоминал шёпот молодых осинового листьев и шуршание сенокосов под кедром. «Пора домой», – подумал монах. Впервые за долгие годы он так подумал о далёких горах на границе с Тибетом и Китаем. Всё это время он был дома здесь. Здесь и сейчас, философия Дао помогала ему быть своим в этих местах. Капля росы, когда-то выпитая с листа черемши, тонкий ломоть сушёного мяса марала съеденный на переходе в стужу, базальтовый песок в кармане, который смешался в морском. Течение времени, проходившее спиралью и позволявшее взглянуть на себя со стороны, было бессмертием. Теперь его жали степи на границе с Монголией и красные столбы дацана, которые ждал от него лент и знаний. Зна-

ний, рассыпавшимися зернами ячменя перед народом, сохранившим чистой свою землю. Они должны были быть смолоты в талкан чтобы напитать всех тех, кто голоден.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.